Глава 43. Записки о городской и сельской жизни

Как и тогда, когда они пришли, войско воинов в черных доспехах, с белыми перьями на стрелах, появилось как прилив и в таком же образцовом порядке ушло.

Вместе с тем, люди из резиденции Чэн были заняты сожжением сложенных в груду тел людей, живших в их резиденции, они собирали своих и подвергали их кремации, отдельно же сгружали тела разбойников и сбрасывали их в ущелье, где те становились добычей черных воронов и диких зверей, рвущих их своими зубами. Шаошан стояла во главе ряда, играя на флейте, тем самым провожая ни в чем не повинных людей в загробный мир.

Переливчатая мелодия флейты достигла ушей только что ушедшей армии воинов в черных доспехах. Изначально мелодия «Ветви бамбукового дерева» была радостной, однако девушка играла мелодию с нисходящей интонацией в медленном темпе, и это было подобно пролетевшему по бамбуковой роще ветру в холодный и солнечный зимний день – свежему и печальному.

Лин Буйи улыбнулся, прислушиваясь, но вдруг о чем-то подумал, и его настроение внезапно изменилось на весьма прохладное, а его внешность стала мрачной, как у красивого, но надменного каменного изваяния. А затем он, высоко подняв хлыст, взмахнул им и, подстегивая лошадь, полетел во весь опор, возглавляя войско.

Сыграв мелодию, Шаошан опустила флейту – ее лицо было полностью залито слезами. Многих мальчиков и девочек, которые вчера смеялись и болтали, не будут ждать с нетерпением родные и друзья. Когда дело дошло до решающего момента, она обнаружила, что сама все еще бессильна перед некоторыми событиями.

Две выжившие в плену служанки опознали в общей сложности одиннадцать бандитов из числа тех, кто издевался над ними, Шаошан сидела в комнате, прислушиваясь к гомону толпы зрителей на улице, наблюдающих за казнью, за тем, как разрывали тела пятеркой коней. После вечернего ужина, как ни удивительно, осталось много еды, ведь те слуги и служанки, которые всегда мирно жили во внутреннем дворе резиденции, из-за представшей тошнотворной и кровавой сцены почти не могли ничего съесть.

Приведя приговор к исполнению, Лин Буйи сразу выступил с войском для поимки главаря бандитов, оставив двести воинов в черных доспехах для сопровождения кортежа семьи Чэн, торопящегося в уезд Хуа, предводителем их был тот пожилой охранник, рука которого ранее была пробита стрелой.

Шаошан только тогда узнала, что его фамилия Чжан, а имя – Шань, и он уже имел ранг, за который получал сто даней риса, и являлся у Лин Буйи вторым полководцем в шатре главнокомандующего, а того очень дружелюбного охранника со шрамами на лице звали Лян Цюци, и он был родным братом молодого человека, который любил вмешиваться в чужие разговоры – Лян Цюфэя.

Рано утром следующего дня Шаошан снова надела мужскую одежду и, оседлав, скакала на полюбившейся ей всей душой пегой лошади, такой же пятнистой как дойная корова.

Все обитатели резиденции Чэн от семейной охраны, перевязывающей раны, до служанок и слуг, стоящих рядом с повозками, в тусклом свете утреннего солнца ожидали, когда юная и хрупкая княжна отдаст приказ отправляться в путь. Шаошан резко взмахнула правой рукой, дернула кнутом в воздухе, и колеса кортежа медленно покатились – она села на коня и оглянулась назад. Наконец-то они покинут эту долину убийств и кровопролития!

Кортеж двигался на восток, и на этот раз по пути больше не будет нападений. Шаошан считала, что даже если и найдутся мелкие твари, которые захотят вступить в бой, то, увидев молчаливых и торжественных воинов в черных доспехах, едущих рядом с караваном, они испуганно отступят.

После того, как Сан-ши выпила лечебный отвар, температура снизилась, и постепенно она пришла в себя, она смотрела с извиняющимся лицом на Шаошан, прибывшую навестить ее:

–Эта думала, что вывезет тебя развеяться, чтобы ты всюду забавлялась, но эта не думала, что все будет наоборот и ты подвергнешься таким большим страданиям, лучше уж тебе было остаться в столице...

Шаошан быстро остановила ее:

–Тете не нужно так выражаться! Мой характер может навлечь на меня беду – я не смогла бы остановиться, меня бы мама загрызла до смерти, если бы я осталась в столице! Я считаю, что тетя была права, взяв меня с собой на этот раз: я встретила столько великих знаменитостей, побывала во многих интересных местах, а теперь я даже видела бандитов, поднявших мятеж. Когда я в будущем вернусь в столицу, на очередном банкете чем я только не смогу похвастаться! Я могу сказать, что мои стрелы непобедимы, и я смогла поразить одной стрелой двух человек, и все жулики попросту бежали в беспорядке при первом моем появлении… – затем она сделала вид, что угрожает горничным и женщинам в повозке: – Вы не сможете меня разоблачить!

Всех женщин это позабавило, а болезненно бледное лицо Сан-ши покраснело.

Шаошан совсем недолго задержалась в повозке, она постоянно разъезжала вдоль кортежа, скача галопом на лошади, поскольку заботилась о пострадавших, горящих в лихорадке или страдающих от нагноения ран, ей все еще нужно было спрашивать о ситуации на дороге впереди, все еще нужно было заботиться о Чэн Вэй и близнецах… Прошло всего полдня, а она уже так устала, что все ее тело затекло и болело. К счастью, Чжан Шань болтал с семьей Ли – пожилым господином и его сыном, поэтому ей не пришлось еще и их развлекать.

Когда они были всего в полудне от границы уезда Хуа, то увидели свиные копытца младшего дядюшки, ранее разлученного с ними. Он возглавлял старейшин и группу солдат и приближался, наклонившись к холке лошади, в безумной скачке. Приблизившись, он заметил Шаошан во главе группы, и было похоже, что Чэн Чжи вместо того, чтобы ступить на плиту

шиацу, наступил на дикобраза, выкрикивая бессвязные междометия, он бросился к ней, в волнении торопливо и громко крича: «Твоя тетя, твоя тетя, госпожа, госпожа?..».

Шаошан медленно и холодно улыбнулась и только хотела разок подшутить над ним, однако увидела, что его борода всклокочена, одежда небрежна, а от него остались кожа и кости, да и волосы завязаны в небрежный узел. Внешний вид и его и одежды всегда был подобен одежде и внешности очаровательной красавицы, но сейчас было заметно, что молодой господин Чэн за эти два дня, что они не виделись, стал подобен Кун И-цзи*.

* □□□ Kǒng Yǐ jǐ - главный герой в рассказе Лу Синя.

Не ожидая, пока Шаошан заговорит, находящийся рядом с ней генерал семьи указал на повозку, где находилась Сан-ши, и Чэн Чжи панически ретировался туда, и сразу же из повозки донеслись рыдания младшего дяди и радостный плач Сан-ши.

Шаошан вдруг почувствовала себя лишней.

Расспросив сопровождающего Чэн Чжи стража, она узнала, что, как оказалось, Чэн Чжи почувствовал себя странно, как только вошел в уездный центр округа Цин, потому что все в уездном центре было хорошо, за исключением того, что он был пуст. Придя в уездную управу, он обнаружил, что главы уезда, его шисюна, там не было, а помощник начальника уезда не может ответить ни на один вопрос, только и сказал, что уездный магистрат Гунсунь повел свои войска, в спешке покинув уезд три дня назад, и только спустя некоторое время он послал кого-то сообщить, что вернется сегодня днем.

Несообразительный молодой господин Чэн просидел там больше часа и, наконец, дождался возвращения шисюна, и от ответа на заданный им вопрос у него едва от гнева не лопнул желчный пузырь. Несмотря на то, что он был не очень умен, он сразу понял, что его жена, племянница и его окружение, что остались снаружи, находятся в большей опасности.

Чтобы не позволить разрозненным бандитам воспользоваться ситуацией, император приказал чиновникам со всей страны охранять вверенные им города и не выходить из них по своему желанию. Шисюн Гунсунь был вынужден привлечь войска извне и отдать их своему глупому шиди, чтобы тот отправился на поиски своих людей, однако в это время семья Чэн с приближенными уже бежали в охотничий домик, чтобы укрыться.

Чэн Чжи взял с собой большое войско, следуя за ним, они кружили как муха с оторванной головой, когда стемнело, он подумал о том, чтобы добраться прямо до деревни пожилого господина Ли, чтобы найти кого-нибудь. В результате, к тому времени, когда он достиг деревни, образцовый сын – пятый молодой господин Ли уже вывел ратников сельского ополчения на помощь своему отцу.

Чэн Чжи горел от волнения, ему было известно лишь то, что его жена и дети, путешествуя, действительно столкнулись с бандитами. Прочие люди в деревне не могли точно сказать, где скрывается их пожилой господин. Он не мог даже подождать несколько минут и пожелал сам найти их. В кромешной тьме в неразберихе около тридцати процентов сопровождавших его

солдат получили ранения. Только на рассвете следующего дня воины смогли навести порядок. На этот раз Чэн Чжи оказался умнее и нашел в качестве проводника местного жителя, обыскал все места, где мог быть построен охотничий домик, и, наконец, рано утром нашел нужное место.

В результате, когда они прибыли в охотничий дом, Шаошан со всей группой уже ушли, оставив после себя лишь некоторые останки и пятна крови на земле – последствия ожесточенного боя, а также множество потухших мест кремации. Чэн Чжи после увиденного потерял сознание. Охранникам пришлось плескать на него водой, чтобы привести в сознание. Они убедили его, что, возможно, все люди из резиденции Чэн были спасены и ушли, таким образом, он все это время преследовал их...

Выслушав до конца всю эту чушь, Шаошан пришла в ярость. В наши дни чем хуже мозги, тем больше тебе везет, самое досадное, что свиные копытца младшего дядюшки, днями и ночами бегавшего по горам и долинам куда глаза глядят, как назло не столкнулись ни с одним разбойником!

Говоря о третьем дяде Чэн Чжи, то нужно сказать, что это типичный человек, которому везло еще с утробы матери.

С самого рождения он был миленьким, светленьким ребенком, очень похожим на знаменитого красавца той эпохи – пожилого господина Чэна, все его братья и сестры, вместе взятые, даже вполовину не так хороши, как он. Матушка Чен любила его до смерти, она не позволяла ему страдать, даже когда семья испытывала трудности. А затем не прошло и десяти лет, как его старший из братьев стал демонстрировать силу, и каждый человек в его родной деревне, восхвалял молодого господина Чэна как лучшего красавчика, к тому же по прошествию нескольких лет оборотистая госпожа Сяо добавила к своим знакомым несколько видных родовитых домов и, воспользовавшись случаем, предоставила возможность Чэн Чжи обучаться на горе Байлу.

Чэн Чжи, который изначально имел плохое академическое образование и незавидное семейное происхождение, не мог избежать холодности и насмешек своих одноклассников на горе, кто же знал, что однажды попавшись на глаза шисюну, он добился того, что тому стало жаль его – молодого и прекрасного, саму простоту и непосредственность, шисюн поддерживал его, пока он не окончил учебу и не стал чиновником (Шаошан наконец-то поняла, что в эту эпоху очень серьезно оценивали внешность). Мир снаружи был в хаосе, бушевала война, а Чэн Чжи счастливо учился в горах, изолированный от мира.

Прежде чем покинуть гору, он женился на дочери ее владельца. С тех пор его тесть и старший брат жены, любившие Сан-ши, также защищали его и облегчали чиновничество, экономя множество денежных подношений отцу Чэну.

Шаошан наконец поняла, почему она всегда и без всякой видимой причины не любила своего дядю. Будучи ребенком, которому с детства не везло, как она могла не чувствовать ревность, увидев такого Чэн Чжи?!

После разговора с Сан-ши в течение получаса Чэн Чжи наконец-то вышел и высказал тысячу слов благодарности Чжан Шаню и отцу и сыну семьи Ли, Чжан Шань был простым человеком, он сказал: "Мы просто выполняли приказ". А потому вся паника, волнение и растерянность Чэн Чжи превратилась в благодарность и вылилась на семью Ли, и он немедленно захотел заключить союз между детьми семей.

Чэн Чжи высказался: у тестя есть уже своя позиция о моей старшей дочери Чэн Вэй, но близнецы все еще одиноки! Внешность у них недурная, мышцы и кости крепкие и сильные, как вы относитесь к тому, чтобы породниться с одним из них?

Пожилой господин Ли подумал, что, хотя семья Чэн и была новой семьей, но, видя ее потенциал и процветание, он с готовностью согласился. Чтобы показать свою искренность, пожилой господин Ли прояснил все подробности о своей семье, заявив: хотя у него и есть только внуки и нет внучек, а две недавно беременные невестки выглядят так, как будто вынашивают мальчиков, но однажды он увидел пятого молодого господина своей семьи, держащегося за руку и целующего дочь друга семьи, а он даже и не знал об этом ничего, потому он собирается просить ее руки. Пусть в ближайшие два года они потрудятся, и тогда у них скоро появится ребенок!

Пятый молодой господин Ли: Отец… пожалуйста, не делай так…

Чэн Чжи очень сердечно подумал, что семья Ли также беспокоится, поэтому он с энтузиазмом принялся уговаривать отца и сына вернуться домой как можно скорее. В любом случае теперь люди из резиденции Чэн будут под защитой солдат шисюна, и так, находясь под их охраной, они вполне спокойно доедут до уезда Хуа. Отец и сын радостно согласились.

Однако, уговоры воинов в черных доспехах были для Чэн Чжи что пинки по железной плите, а Чжан Шань выразился так: "Приказы нельзя нарушать", кроме того, он настоял на том, что он должен собственными глазами увидеть, как они войдут в уезд Хуа, прежде чем сможет считать свою задачу завершенной.

А потому следующие полдня Чэн Чжи не выходил из повозки Сан-ши, прогоняя А-Чжу и прочих, и сам как-то подавал чай, кормил, готовил лекарства и поил ими, перевязывал бинтами.

Шаошан с каменным выражением лица, смотря в упор на все это, не проронила ни слова, но про себя яростно бранила, множество раз кляня его, но приняв во внимание то, что мозги у свиного копыта ее младшего дядюшки были дурными, однако к Сан-ши он безусловно чувствовал настоящую любовь, она продолжала честно исполнять обязанности главы семьи.

Когда они подошли к городским воротам уездного города уезда Хуа, Чжан Шань чеканно вышел вперед и, сложив руки в поклоне, откланялся, а также твердо и категорично, но вежливо отказался от обнаруженных Шаошан внутри сундуков младшего дяди двух коробочек с золотыми слитками, сказав:

–Если княжна хочет выразить свою благодарность, она может поблагодарить моего молодого

господина лично.

Шаошан натянуто улыбнулась:

–Конечно, конечно… – здесь имеются две загвоздки. Первая – о том, чтобы преподнести две коробочки с золотыми слитками, чтобы наградить ими Лин Буйи, – о таком ужасном поступке она даже думать не собирается. Второе – она надеялась никогда больше не видеться с Лин Буйи.

Чэн Чжи уже много времени провел в уезде Хуа. Солдаты, охранявшие городские ворота, с первого взгляда узнали знакомых охранников и слуг семьи Чэн и сразу же открыли их, чтобы поприветствовать приехавших.

Вслед за тем, когда городские ворота медленно открылись, в глаза сразу бросилось бесконечное белое море. Море многочисленных путников, идущих по дорогам и одетых в холщовую одежду в знак траура. В стороне у открытых городских ворот рядовой солдат, утирающий слезы, повесил голову, бурча себе под нос:

–Младший господин Чэн, вы наконец-то вернулись…

Какой бы медлительной не была Шаошан, она поняла, что что-то не так, и быстро вытащила своего дядю из повозки.

Чэн Чжи стоял у городских ворот, тупо глядя на улицу, полную людей в траурных одеждах, а на соседних улицах даже делали гробы. Постояв несколько минут в недоумении, он очнулся, велел жене не торопиться, а сам поспешно сел на коня и помчался в сторону уездного управления, Шаошан поспешила за ним.

Через две улицы перед дядей и племянницей возникло высокое здание окружной канцелярии с четырьмя входами. Недавно вымощенные зеленым камнем ступени были такими же чистыми, как и прежде. Однако на крыше перед дверью висело множество белых флагов, которые обычно вывешивают перед гробом, они развевались на ветру, и было ощущение, что это снег идет большими хлопьями.

И дядя, и племянница были ошарашены.

Чэн Чжи подумал: Плохо, так спешил кое-кого отыскать, что даже не спросил шисюна, что происходит в округе Хуа!

Шаошан подумала: Разве Лин Буйи не говорил, что в уезде Хуа все в порядке? Он солгал?!

Когда магистрат вышел и увидел Чэн Чжи, он тут же упал на колени и горько заплакал. Одни и те же слова повторялись снова и снова:

–Молодой господин Чэн, вы наконец-то пришли, пришли… – а затем добавил фразу: – Пожилой

господин Чэн скончался!..

Глаза Чэн Чжи потемнели, тело покачнулось, и казалось, что он вот-вот потеряет сознание. Шаошан бросилась на помощь поддержать дядю, но кто же знал, что Чэн Чжи откажется от помощи, упав ничком на ступени, он отказывался вставать и разразился горькими рыданиями.

Глава уезда Хуа также носил фамилию Чэн, но в отличие от семьи Шаошан он происходил из богатой семьи родом из провинции Хэнань. Главе уезда Чэну было почти шестьдесят лет, он был вежливым и культурным человеком, и был скорее похож не на бюрократа, а на доброго учителя, который не хочет наказывать своих учеников.

Проработав вместе несколько лет, пожилой господин Чэн всегда относился к Чэн Чжи, своему подчиненному с той же фамилией, как к своему собственному сыну, и давал ему пошаговые инструкции по повседневным служебным обязанностям. На самом деле у главы уезда пожилого господина Чэна всегда было слабое здоровье, если бы не тот факт, что семья Чэн потеряла слишком много своих сыновей во время смуты и сейчас находилась в состоянии упадка, в его возрасте не пришлось бы призывать его на службу.

Старик часто любил поболтать после выпивки: о том, что еще два года, и его отправят на пенсию, и наконец-то можно будет вернуться домой к вину и книгам, наслаждаться отдыхом и читать философские книги...

В это время Чэн Чжи смеялся в сторонке и говорил: эти слова Вы говорите уже восемнадцать раз, по крайней мере, возьмите еще несколько лет, иначе после придет новый глава уезда, и я не смогу его вынести!

Три дня назад мятежники внезапно напали, император находился в походной ставке само собой заранее подготовленным и не пострадал, но неожиданно бандиты не только не сдались, но и стали подстрекать народ к грабежу и разбою во всех направлениях. Один из бандитов, который был очень свиреп, отправился в соседний и зажиточный уезд Хуа.

После нескольких лет мира большинство людей ослабило бдительность. Глава уезда пожилой господин Чэн быстро отреагировал и поспешно закрыл городские ворота и приказал солдатам, а также трудоспособным и богатым семьям города помочь его защитить. Хотя в уезде Хуа не так много защитников, к счастью, оборона города в последние годы очень стабильна, и бандиты какое-то время не смогли бы ее прорвать. Жители города были защищены толстыми стенами, но жители сельской местности за городом – нет. Они были застигнуты врасплох и понесли тяжелые потери в двух деревнях уезда.

В результате самая обычная и самая трагическая сцена любой древней военной истории предстала здесь в формате, уменьшенном в N-раз.

Бандиты сгоняли пойманных из сельской местности старых людей и слабых женщин с детьми к городским воротам. Они пригрозили старому магистрату Чэну, что они их убьют, если он не откроет ворота. С этими словами они взяли плачущего младенца, воздели его на кончик копья

и поднесли к воротам, чтобы показать толпе.

Люди в городе находились под властью пожилого господина Чэна, как и в сельской местности за городом, их не забывали при сборе налогов и распределении барщины, так как же могли оставить их в это время? Глава уезда пожилой господин Чэн немедленно попрощался со своей старой женой и молодым внуком (сын его рано умер), призвал своих семейных генералов и половину солдат, а также выступивших добровольцами сильных мужчин из города, и вышел за ворота, чтобы вступить в бой.

Перед уходом седовласый старик строго приказал городским стражникам на воротах после их ухода задвинуть засов и заварить его медной жидкостью: чтобы не дать городским воротам открыться, пока не будут уничтожены все бандиты!

На самом деле все знали, что между врагом и ими огромная пропасть. При таком небольшом количестве войск они не могли убить бандитов. Старый глава уезда также знал, что он просто пытался отвлечь бандитов, чтобы захваченные люди могли спастись. После полудня боев люди, находившиеся в заложниках, разбежались во все стороны. Однако более половины городских войск было убито или ранено. И казалось, что вся армия вот-вот будет уничтожена, когда пришло подкрепление.

Солдаты императора разделились на несколько отрядов и отправились подавлять бандитов. Два из них прибыли в округ Хуа, услышав новость о нападении на уезд. После того как большую часть свирепых бандитов убили, оставшиеся воры разбежались во все стороны. Когда у городских ворот увидели это, они заплакали и сломали заваренные дверные засовы, но не смогли найти старого главу уезда. Затем они осмотрели поле боя и обнаружили тело старика с отсутствующей рукой.

Услышав эту новость, Сан-ши, не обращая внимания на травму ноги, ковыляя, отправилась в уездное управление. Она опустилась на колени перед останками пожилого господина Чэна и горько заплакала; Чэн Чжи уже переоделся в траурную одежду. Слезы струились по его лицу, обдуваемому холодным ветром. Он настоял на том, чтобы устроить поминки по старому господину, который долгое время был ему как родственник. На глаза Шаошан навернулись слезы. Она вышла на улицу, нашла белую ткань и обернула ее вокруг талии, и также опустилась на колени перед телом.

Среди хриплого плача, наполнившего резиденцию, раздались слова пожилой госпожи Чэн, с ног до головы одетой в белое, она слабо улыбнулась и сказала Чэн Чжи:

–Мы избежали хаоса и дожили до этого возраста, мы не обижены. Мой сын умер рано, господин относился к тебе как к родному сыну. Останься перед его гробом на три дня, составь мне компанию. Но по истечению трех дней не нужно вести себя как ребенку. У тебя еще много дел в уезде.

Чэн Чжи плакал так сильно, что больше не мог говорить, и через некоторое время оцепенело кивнул.

Пожилая госпожа снова повернулась к Сан-ши и тепло сказала:

–Наши с ним волосы седые, считается, что мы состарились вместе. Я желаю, чтобы ты с этим ребенком в будущем имела такую же судьбу, как и мы, супружескую любовь на всю жизнь, никогда не изменяйте этому чувству. Ты ранена, не надо так мучать себя, – сказав это, позвала служанку, стоящую рядом, и та, твердо поддерживая под руку Сан-ши, ушла, чтобы и дальше лечить ее рану.

В ту ночь в доме за уездным магистратом Шаошан, сидя на корточках возле кровати, меняла лекарство и повязку Сан-ши. Она не могла не сказать:

–Старый глава уезда так стар, почему он выехал из города, почему рисковал и не позволил семейным генералам и городским военным сделать это самим? Разве это не нормально? Разве это не потому, что он исполняет свои обязанности? Но он был настолько стар, что я не думаю, что Его Величество будет винить его.

–Это не для императора, – глаза Сан-ши были красными от слез. Спустя долгое время она серьезно сказала: – Его Величество не будет винить его, но каждая семья и каждый род наблюдают, и это очевидно для всех. Без подобных амбиций, как дети рода Чэн из Хэнаня смогут появиться при дворе и бороться за официальные должности?

Видя, что Шаошан была настолько потрясена, что не осмеливалась говорить, Сан-ши почувствовала, что ее тон был слишком резким. Она погладила девушку по волосам и тепло сказала:

–Мы, выходцы из аристократических семей, должны быть сильнее простых людей. При встрече с врагом мы должны первыми пойти в бой, и мы первыми погибнем. В противном случае как мы, не находясь в первых рядах, можем занимать высокие должности и пользоваться поддержкой простых людей? Если стремиться только к безопасности, как можно быть достойным могил своих предков?

Шаошан пробормотала быстро:

–…Наша семья Чэн не богатая семья.

Сан-ши улыбнулась и сказала:

–Может быть, это произойдет в будущем. Начиная с поколения вашего отца и дяди, каждое поколение потомков возьмет на себя инициативу и будет усердно работать. После нашей смерти в доме предков будет установлены высокие мемориальные доски – в зале предков. Пусть потомки из будущих поколений долго восхищаются ими. Господин Чэн умер, чтобы спасти людей, и он пожертвовал своей жизнью ради праведности. Он был великим и добродетельным человеком. Это праведная смерть.

Шаошан потеряла дар речи.

В ее время было много произведений, в которых аристократические семьи критиковались за

педантичность, косность, за то, как тянули время, как шли на компромисс ради мира, удерживая власть лишь над одной частью территории страны. Одним из политических достижений многих императоров являлось уничтожение власти аристократических семей и подавление власти богатых родов.

Но дети аристократических семей в эту эпоху все еще были полны страсти, с мечами на боку, они в одиночку странствовали по приморским провинциям и снежным регионам.

При этом она также впервые поняла, что такое род. Ее защищала семья Чэн, и она наслаждалась вкусной едой и одеждой, даже если бы она не смогла принести славу семье Чэн, она никогда не опозорила бы свою семью бессмысленным потворством аморальным поступкам, капитуляцией врагу и изменой.

Она тихо вздохнула: в эту эпоху нелегко жить хорошо.

http://tl.rulate.ru/book/77281/3474749